Электронное приложение к журналу «Международная жизнь»

Военные концепции и будущие войны

Москва, апрель 2011

«Военные концепции и будущие войны»

Московский Государственный институт международных отношений (Университет) МИД России и Редакция журнала «Международная жизнь» провели научно- теоретический семинар по теме «Военные концепции и оружие будущего».

В ходе работы научно-теоретического семинара были рассмотрены следующие вопросы:

- Научно-технический прогресс и гонка вооружений – новое качество в XXI веке;

- Современные военные конфликты и кризисы – их уроки и предварительные выводы. Какие войны ведут развитые государства мира;

- Каким оружием и как будут воевать передовые армии в недалеком будущем;

- Возможность различных военных конфликтов в будущем. Какие вооруженные силы и какой оборонный комплекс нужен России в XXI веке в свете ее технологической модернизации.

Доклады на конференции были представлены ведущими российскими учеными, политологами, военными, журналистами, научными сотрудниками.

Во второй части семинара прошла заинтересованная, острая, полемическая дискуссия, в ходе которой поднимались вопросы: мировая индустрия вооружений, системы современных военных конфликтов – сетевые войны и воздушно-космические операции: попытки сильных в военно-промышленном отношении государств осуществить новый передел мира под видом «борьбы за демократию»; перспективные и разрабатывающиеся виды вооружений – для каких войн и конфликтов готовятся армии; сдерживающая роль ядерного оружия – как долго она может просуществовать; вопросы перспективного военного планирования и возможность разномасштабных военных конфликтов в будущем; влияние научно- технического прогресса на ход антитеррористической борьбы. Широкий, заинтересованный обмен мнениями вызвал вопрос «Какая модернизация нужна Российской армии и как должен быть модернизирован военно-промышленный комплекс России в недалеком будущем?».

Отметив нарастание конфликтогенности в современных международных отношениях, участники семинара акцентировали важность своевременного реагирования и научного обоснования оборонной политики России с учетом прогнозируемых и возможных новых рисков и угроз безопасности страны.

Модератором семинара выступил главный редактор журнала «Международная жизнь» А.Г.Оганесян.

Оганесян Армен Гарникович - главный редактор журнала «Международная жизнь», советник министра иностранных дел России:

Тема сегодняшнего Круглого стола не столько актуальная, сколько перезревшая для тех, кто этой проблемой занимается. Создается впечатление, что тема военных концепций и военных вызовов и угроз в современном мире еще до конца нами не осмыслена. Мы как бы отстаем от развития новых типов вооружений и от концепций. Возникает такой методологический вопрос: военно-технический прогресс формирует концепции? Конечно, политика делает свой запрос и свой заказ. Сочетаются два течения – бурное развитие военных технологий и формирование военных доктрин и концепций. Думаю, вы согласитесь, что мы стоим буквально уже на середине потока, сами не осознавая этого, очень существенных качественных изменений в типах вооружений, в их применении. Совсем недавно российские и американские военные согласились, что одним из важных, например, событий года была кибератака на иранский ядерный объект. Многие говорят, что современные войны будут вестись в основном, даже не на земле, а в двух пространствах – в космосе и интернете. Эти факты мы не можем недооценивать. Научно-технический

прогресс и гонка вооружений: новое качество в 21-м веке – такова тема первого доклада.

Поволоцкий Григорий Игоревич, шеф-редактор журнала «Международная жизнь»:

Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями относительно сути и направления развития военно-технического прогресса в наше время. 21 век не стал веком мира и благоденствия, веком без войн и конфликтов. Только сегодня идут военные столкновения в Афганистане, Ираке, Ливии. Практически вся Северная Африка не избежала боевых стычек в широко развернувшейся там борьбе народа против диктатур и коррупции. Война с терроризмом идет с попеременным успехом. ООН стремится к миру, но усилия всемирной организации не приводят к нужному результату. Региональные альянсы также во многом оказались несостоятельными. Военные союзы и альянсы, наоборот, стали более агрессивными и менее предсказуемыми.

Резко растут военные расходы государств, растут объемы продаваемых государствами вооружений. Очевидно и стремление ряда стран вопреки Договору о нераспространении стать обладателем ядерного оружия. Ряд стран не прекратили своих усилий по созданию бактериологического и химического оружия. Разразившийся два года назад всемирный финансово-экономический кризис не стал тормозом на пути гонки вооружений и развития военно-технического прогресса. Согласно данным, предоставленным пресс-службой Стокгольмского международного института исследований проблем мира, в 2010 году военные расходы в мире увечились на 1,3 процента по сравнению с 2009 г., что составило сумму в 1,6 триллиона долл. В то же время ряд специалистов склоняются к мысли, что финансовый кризис притормозил развитие новых видов вооружений, апеллируя к уменьшению общего объема средств, вложенных в военные НИР и НИОКР в США и сокращению в Соединенных Штатах ряда исследовательских военных программ.

Однако несмотря на объективные причины, заставившие ряд стран притормозить военные НИРы и НИОКРы, информационные потоки свидетельствуют о том, что почти каждую неделю развитые в военном отношении страны принимают на вооружение от 2 до 4 образцов новой военной техники, 2-3 раза в неделю приходят сообщения об окончании испытаний новых видов вооружений. Сегодня по военным расходам на первом месте по-прежнему находятся США (43% от мировых расходов), затем следуют Китай, Великобритания, Франция, Россия (ее долю в военных расходах прошлого года оценили в 3,6 процента), Япония, далее Саудовская Аравия, Германия, Индия и Италия. Экономический фактор, если и лимитирует, то очень недостаточно ВТР.

Каковы же отличительные черты современных военных НИРов и НИОКРов? Это новое качество ВТР связано с двумя направлениями совершенствования системы вооружения:

существенным расширением оперативно-тактических возможностей существующих образцов вооружения и военной техники, приданием им новых боевых свойств;

созданием принципиально новых, в том числе нетрадиционных видов вооружений.

Первое может быть достигнуто либо за счет модернизации отдельных подсистем оружия, либо за счет обеспечения возможности комплексирования их применения в реальном масштабе времени с другими боевыми средствами и обеспечивающими системами. Появление высокоточного оружия дальнего радиуса действия, сверхчувствительных датчиков и автоматизированных систем управления позволяет резко, как минимум, повысить поражающую способность обычных вооружений, так что по уровню воздействия они становятся сопоставимыми с оружием массового поражения.

Большую опасность представляет вовлечение в военно-технический прогресс гражданской науки и производства через создание там продукции двойного назначения. Это означает вовлечение всего материального производства тем или иным образом для военных нужд. И именно здесь проходит главная полоса обороны против милитаризации человечества. Если технические изобретения, научные открытия, промышленные перевороты хороши уже тем, что они расширяют, а не сужают пространство выбора

цивилизации, то безудержный военный научно-технический прогресс таит в себе угрозы не для каких-то потенциальных противников, а для всего человечества. В тигеле военных алхимиков 21 века зарождаются страшные монстры, готовые не то что обеспечить безопасность самих изобретателей, а скорее при первой возможности смертельно поразить их. И еще отсутствие гражданского применения для изобретений ВПК становится тормозом в общем научно-техническом развитии человечества. Большая часть научного потенциала цивилизации задействована на войну и начинает развиваться параллельно всемирной науке. Возможности конверсии сложных боевых механизмов уходит в 100-200 летнюю перспективу.

Необходимо ли ограничивать военные НИРы и НИОКРы? Пока никто, видимо, не готов так поставить вопрос.

Первооткрывателями нового вида войн (на что и рассчитаны современные военно-научные разработки) считаются два американца – Дэвид Ронфельдт и Джон Аркуилла, два сотрудника «RAND Corporation», опубликовавшие в 2000 году книгу «Принцип стаи и будущее конфликта». Именно тогда вошли в оборот военных слова – сетевые войны, сетецентрические операции, сетецентрический ударно-разведовательный купол, боевые платформы и боевые кластеры. Именно эти идеи порождают беспилотные ударные и разведывательные самолеты и вертолеты, боевые роботы поля боя, рельсотроны – орудия, с помощью электричества способные стрелять на расстояние более 600 км, гиперзвуковые ракеты, летящие со скоростью до 10 скоростей звука и более, использование новейших военно-технических компьютерно-информационных технологий, боевые и разведывательные космические аппараты и многое, многое другое, включая оружия воздействия на мысли и поведение людей.

Соединенные Штаты Америки по своим научным разработкам в военной области уже обогнали весь мир на «один виток» в гонке вооружений. Но, наращивая глубину научных исследований в военной области, США хотят обойти все человечество на «два полных витка» гонки вооружений, так чтобы остаться на долгое время недостижимой военной сверхдержавой. Возможно, этим они стремятся компенсировать распределение военной мощи в сторону от американского доминирования экономического, политического, финансового и т.д.

Количество военно-исследовательских центров в США не сокращается. Сократилось лишь количество предприятий, производящих серийную продукцию для Вооруженных сил Америки, – в результате их слияния появились мощные промышленные кластеры. А военно-техническими исследованиями как занимались, так и занимаются почти все технологические университеты США. Более того, без особой рекламы, используя опыт СССР, в США созданы в последние годы государственные военные исследовательские институты (“The MITRE Corporation”, “DARPA”, “Federally Funded Research and Development Centers”, “The Institute for Defense Analyses”, другие). Да и созданная ВВС США, ныне всемирно известная аналитическая “RAND Corporation”, занимается не только написанием научных докладов. Более того, в США существуют и совсем закрытые научно- исследовательские группы, такие как «Общество Ясона» (“JASON society” и комитет «Маджестик 12» (“*Majestic-12),*в которые входят самые высокопоставленные должностные лица США, высшие военные и выдающиеся ученые, которые в отличие от фантастических кинофильмов, где их частенько упоминают, уже много десятилетий заняты разработкой самых секретных проектов создания американских вооружений, а не контактами с инопланетянами. Многое укрывается от глаз американской и мировой общественности, также как и маскируются статьи федерального бюджета США на НИР и НИОКР.

Каковы основные технологические направления сегодняшнего военного научно-технического прогресса? Прежде всего, это улучшение тактико-технических характеристик по всем параметрам ядерного оружия и средств его доставки. Пока это приоритет всех членов ядерного клуба. Далее идет создание новых беспилотных летающих аппаратов (БПЛА) с качествами ударных самолётов. Особо уделяется внимание созданию стратосферных ударных БПЛА, которые не могут быть уничтожены системой

ПВО. Помимо этого, решается задача дистанционного управления оператором любых видов боевой техники, включая танки, подводные и надводные корабли, самолеты. Останутся лишь экипажи на крупных кораблях и подводных лодках, а также, видимо, аэрокосмические самолеты, которые останутся единственными пилотируемыми летательными средствами. Активно развивается работа по боевому применению нанотехнологий, но, по мнению ученых, идея создания боевых нанороботов/наноботов может быть осуществлена примерно лет через 200-300. Что же касается ВМФ, то одним из перспективных направлений развития считается создание «ныряющих» кораблей, которые могут под водой достигать планируемого места удара или боестолкновений. При этом активно ведется работа по созданию для артиллерии, танков и кораблей т.н. «рельсовых пушек» или рельсотронов – орудий силой электричества, забрасывающих снаряды с огромной скоростью и на большие расстояния – до 600-800 км. Одновременно с этим идет работа по дальнейшей модернизации «умных» боеприпасов, боеприпасов повышенного могущества и точного оружия, а также по широкомасштабному насыщению ими войск. Из совершенно нового – идут работы по созданию боевых лазеров воздушного базирования (уже в стадии испытаний), которые, очевидно, в недалеком будущем найдут свое применение в системах ПВО и ПРО. Не забывают ученые и средства электронного удара как в плане индивидуальной защиты судов или танков, так и в плане полного выведения электронно-вычислительной техники и радаров противника и лишения командования на определенное время связи с подчиненными войсками. Другое направление - воздействие различными излучениями с различной частотой на войска противника, что, по мнению ученых, может вызвать помутнение сознания, дезориентацию, панику а возможно и смерть живой силы противника. С другой стороны, идут попытки биологов и врачей сделать из солдат «суперсолдат», продлить их активную деятельность в ходе боестолкновений, невзирая на ранения и страх. Можно перечислять еще много задумок любителей повоевать, однако наиболее неприятным и реальным кажется создание изомерного оружия. Смысл действия этого оружия заключается в том, что изомер вещества под воздействием катализатора или имплозии, или чего-то другого превращается в иной изомер этого же вещества с огромным выделением энергии и без выделения радиации. Такой взрыв сопоставим с атомным, но это все-таки не атомный взрыв и «порог не остается перейденным». Утешает только, что это крайне дорогое и наиболее сложное из существующих в изготовлении оружие.

Мыслители разных эпох осуждали войну, страстно мечтали о вечном мире и разрабатывали различные проекты всеобщего мира. Все они сходились в одном: война – это зло, которое человечество обязано победить, иного пути для выживания у человечества нет. Да есть реалии бытия, но есть и идеалы. Человечество обязано бороться за то, чтобы идеалы становились реальностью.

Орлов Александр Арсеньевич, директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России:

Оружие будущего непосредственно связано с планами его возможного применения. В современном мире, особенно это характерно для западных армий, четко проявилась тенденция максимально возможного отдаления военнослужащего, выполняющего боевую задачу, от объекта поражения. Такой сюжет называется бесконтактной войной. Летчик или оператор-наводчик ракет, находящихся за сотни, а то и тысячи километров от цели, только совмещает метки на мониторе своего компьютера, а что следует за этим – кровь, убийство, зачастую, совершенно ни в чем неповинных мирных жителей, разрушения гражданских объектов, которые легко выдать за военные, – его не волнует.

Эти люди находятся далеко от трагедии, и все, что происходит на земле, для них, по сути дела, игра в войну, что-то вроде компьютерных стрелялок. Выполнив задание, они возвращаются к своей обыденной жизни, пьют горячий кофе или что-то покрепче, и абсолютно не испытывают угрызений совести, даже считают себя героями, уничтожившими неких злодеев. Еще больше их убеждают в этом по-

слушные воле своих хозяев СМИ, с ловкостью привокзальных «наперсточников» подтасовывающие факты под заранее заданный алгоритм действий. При этом теряется то, что отличает человека от животного или киборга будущего, - а именно человечность. Это сложное морально-нравственное понятие, доступное пониманию каждого нормального «хомо сапиенса» - человека разумного, исчезает напрочь из поведения современного бесконтактного солдата, становящегося простым придатком умной машины.

Как можно прогнозировать, подобная схема «дистанционного убийства» будет только совершенствоваться по мере развития все более технически «навороченных» вооружений. Одним из наиболее тревожных симптомов серьезной болезни современного общества является его моральная деградация. В военной сфере эта моральная деградация особенно заметна, что наглядно демонстрируют современные бесконтактные войны в фирменном западном исполнении и их трагические последствия для целых стран и народов.

Оганесян А.Г.: Может быть, кто-то хотел бы прокомментировать проблему взаимосвязи военных технологий?

Тищенко Григорий Григорьевич, начальник отдела Российского института стратегических исследований:

До середины 60-х гг. картина, действительно, была такая, что из военных технологий в гражданский сектор перетекало значительное количество технологий. С конца 60-х - в начале 70-х гг. ситуация резко изменилась. Сейчас, наоборот, гражданские технологии являются двигателем прогресса в военной сфере. Если посмотреть на США, то у них сейчас есть распоряжение, согласно которому НИОКР (научно исследовательские и опытно конструкторские работы) в военных системах не могут проводиться, если они проводятся в гражданских. Если, к примеру, готовится к выпуску новый танк, то на него должны быть установлены какие-то гражданские системы, которые существуют. А если нет этих систем, оставшиеся должны запускаться в НИОКР. Такой официальный подход зафиксирован в этом распоряжении. Если сравнивать военную и гражданскую науки, то здесь надо отметить следующее. Разработки в гражданском секторе опережают примерно на 5-7 лет разработки в военном секторе. Длительность разработки новых крупных систем за рубежом и у нас составляет, по нынешним меркам, порядка 12-15 лет. За этот срок она успевает морально устареть. Если вы посмотрите на вооруженный состав США, у них есть уже системы, которые используются уже не один десяток лет. Тот же самый В-52, который будет летать, по официальным данным, до 2040 года. Производство самолета В-1 прекращено. Американцы модернизируют самолет В-52 и, в некоторой степени, предыдущие самолеты, тем самым сохраняют деньги. Сейчас вооружение определяется не задачами, которые стоят, прежде всего, перед вооруженными силами, а теми средствами, которые отпускаются на вооруженные силы. Основная задача проекта бюджета США на 2012-2016 годы – не развитие вооруженных сил, не создание новых вооружений, а экономия денег.

Оганесян А.Г.:

Применительно к России. Все-таки насколько мы готовы к сохранению гражданской и военной компоненты как развивающейся?

Тищенко Г.Г.: Если реально смотреть на поставленную задачу и на то, как ее с наименьшими затратами реализовать, то, прежде всего, мне кажется, надо обратиться к гражданскому сектору. Министерству обороны надо наладить перетекание технологий гражданского сектора в военный. На данном этапе это менее затратный путь для получения новых технологий и для разработки новых вооружений.

Мизин Виктор Игоревич, заместитель директора Института международных исследований МГИМО (У) МИД России:

Небольшой комментарий по поводу критических технологий двойного назначения. Вот конкретный случай: операционная система INTEGRITY управляет как американским F-22, так и А-380 – совершенно гражданским самолётом, и вчера у нас был «круглый стол», где поднималась проблема утечки технологий двойного назначения. Это буквально означает, что, например, если какой-то элемент используется внутри чисто боевой системы, то контроль за его распространением суще-

ственно жёстче, чем если это технология двойного назначения. В свою очередь, если эта система доступна гражданским лицам, соответственно, эта технология достаточно легко может утечь в руки, скажем, террористических организаций, которые могут совершить довольно быстрый и качественный скачок в развитии высокотехнологического средства вооружения, а проблема контроля пока никак не решена.

Разработка подобной операционной системы, которая управляет самолётом, - это очень сложный процесс. Он занимает 15-20 лет. Я не вижу перспектив на российском рынке появления коммерческих компаний, которые могли бы взять на себя такую разработку. Не секрет, что ведущие КБ в России до сих пор пользуются зарубежным программным обеспечением и не прилагают никаких усилий для того, чтобы развивать и разрабатывать отечественное. Или эти разработки остаются внутри этих КБ как исключительно проприетарные.

Оганесян А.Г.: Константин Валентинович, Вы хотели что-то добавить?

Сивков Константин Валентинович, первый вице-президент Академии геополитических проблем, доктор военных наук:

У меня небольшая ремарка по поводу того, что не только у нас, но и на Западе в Вооружённых Силах вооружение разрабатывается и принимается на вооружение, исходя из бюджета, а не из военных потребностей. Это не совсем так. Создание систем оружия, которые не нужны и не соответствуют современному характеру вооружённой борьбы, - совершенно бессмысленное и ненужное дело. Принимаются те системы вооружения, которые нужны и под определённые задачи Вооружённых Сил. Приведённые примеры я мог бы дополнить: - это наш Ту-160 – аналогичная ситуация; это и самолёт с изменяемой геометрией крыла- свидетельствуют о не точном прогнозировании характера вооруженной борьбы в те годы, когда создавались эти дорогостоящие проекты В-1, В-2, наш Ту-160. С появлением высокоточных ракет с большой и сверхбольшой дальностью, такие, как у нас Х-55 и американский «Томагавк», естественно отпала необходимость преодоления системы противовоздушной обороны, для которой создавались Ту-160 и их В-1 и В-2. Поэтому от них и отказались, а совсем не потому, что они недорогие.

Оганесян А.Г.: А можно задать Вам вопрос, который я уже задавал ранее: какого влияние новых вооружений на военные концепции и наоборот?

Сивков К.В.: Здесь взаимное влияние, безусловно. Потому что, с одной стороны, появление новых систем вооружения придаёт новый импульс развитию способов ведения вооружённой борьбы как по поражению этих новых систем, в частности, появление информационных систем, которые резко повысили возможность сбора информации, темпы принятия решений, доведение информации до войск и сил, - они породили и качественно новую сферу информационной борьбы. Она стала играть решающую роль в современной войне. Но в свою очередь появились и новые возможности по ведению борьбы, по темпу сбора информации. Это взаимное влияние.

С другой стороны, появление новых способов ведения вооружённой борьбы предъявляет новые требования к системам вооружения. Эти новые требования воплощаются, как правильно говорил предыдущий выступающий, в новых разработках, которые могут занимать от 10 до 15 лет. И точный прогноз характера вооружённой борьбы на такую перспективу является ключевым. Поэтому вопрос научного прогноза является при разработке систем вооружения очень важным. Корабельный состав при разработке кораблей, создание корабельного состава - эти сроки ещё больше. Например, корабли проекта 1144 – наши атомные и ракетные крейсера - у них вообще срок от постановки задачи до момента их ввода в строй составлял более 20 лет. Этот период надо прогнозировать. Поэтому часто Вооружённые силы вступают в войну с оружием, которое не соответствует характеру этой войны. Это нормальная и естественная картина. Примером тому является американский истребитель F-14 – прекрасная машина, но она совершенно оказалась непригодной к тем задачам, которые стояли перед военно-морскими силами США в локальных войнах. Она решала задачи вполне конкретные: отражение морской

ракетоносной авиации Советского Союза. А решать задачи такого рода, которые стояли в конфликте против Ирака, в других конфликтах, он уже оказался менее эффективным, чем F-18.

Оганесян А.Г.:

Спасибо. Интересная книга была издана в США, рецензия на неё была опубликована в журнале «Foreign Affairs», в ней анализируется военный бюджет от Рейгана до Обамы и выражается недоумение по поводу того, что надо было экономить, а не вкладывать столько денег в вооружение. Но зато это создало такую «подушку», что американцы могут себе позволить поэкономить и вообще подходить к этой теме с точки зрения бюджета. А весь посыл состоял в том, что у США уже нет ресурсов для проведения масштабной глобальной политики. Это, конечно, сопряжено с военными концепциями и с разработкой вооружений определённого типа. Вопрос общий ко всем: можем ли мы составить список приоритетных требований, которые предъявляются к военным доктринам. Слушая вас, я бы выделил три. Мобильность – бесспорна. Вся реформа Бундесвера сейчас и работа комиссий по сокращению численности контингента солдат, сокращение тяжёлой техники в виде танков. Вы помните этот скандал, который стоил президенту ФРГ отставкой, когда он сказал, что нам надо обеспечивать маршруты наших товаров – Германия – страна экспорта, и нам надо обеспечить пути нашего экспорта во всём мире. Это заявка чисто политическая, но она повлекла за собой реформу армии. Итак, мобильность.

Второе - экономия живой силы. Существенные потери собственной живой силы при непосредственном соприкосновении всегда имеют политический эффект бумеранга. И третье: экономия средств. Эти необходимые элементы, достаточно императивные, современные к любой военной концепции на нашем историческом этапе.

Мизин В.И.:

Я бы хотел сначала задать вопрос Сивкову Константину Валентиновичу**.** Вы подчеркнули очень важную роль военного прогнозирования, а сейчас происходит такая ситуация, что после того, как США декларировали концепцию сетицентричных войн, другие государства стали слепо копировать эту концепцию, не примеряя её на свои реалии. Как Вы полагаете, следует ли России двигаться тем же путём доминирования в информационном пространстве или это вообще не применимо для России?

Сивков К.В.:

Конечно же, применимо. Вопрос упирается в то, как используются эти сетицентричные войны. Сетецентричные войны - вещь очень хорошая. Но они весьма уязвимы против информационных средств воздействия. Приведу свежий пример с Ливией. Они достаточно эффективно обеспечивали поражение зенитных ракетных комплексов, обладающих системами излучения, но существует проблема поражения войсковой ПВО, которая вообще не имеет средств радиолокационного наведения, системы Стрела-1, Стрела-2, Стрела-10, Шилка. Они не обеспечены подавлением, они без локационной станции их использовали. Поэтому тут обоюдоострый меч в этом отношении. В качестве одной из концепций в бытность мою, когда я служил в Генеральном штабе до 2007 года, рассматривался вопрос о том, чтобы переходить на так называемые локальные автономные системы, которые полноценно себя обеспечивают в информационном отношении. И обеспечить поражение многочисленных таких систем будет проблематично. Когда существует иерархическая система сетецентричной войны с единым информационным полем, обеспечить поражение этих систем можно. И, как известно, поражение таких систем даже силами отдельно взятых хакеров даёт определённые и неплохие результаты, не говоря уже о целевом воздействии на такую систему. Здесь нужно говорить о разумном соотношении этих вещей и о том, в какой мере и в какой форме эта концепция может быть реализована в России, должно быть определено, исходя из того, какими способами мы будем решать задачи обеспечения обороноспособности нашей страны от возможных военных угроз. В перспективе до 30, а ещё лучше до 40-го года. Я ответил на Ваш вопрос?

Мизин В.И.:

Да, вполне. Тогда совершенно очевидно появляется ещё одна тенденция – это доминирование в информационном пространстве.

Сивков К.В.:
Да, это ключевой вопрос сегодня. Но опять же, что понимать под словами «доминирование в информационном пространстве»? На каком уровне?
Это вопрос о предоставлении функциональных боевых систем. Они бывают различного уровня. Если, скажем, имеется доминирование на стратегическом уровне, то это не значит, что есть доминирование на тактическом. Потому что параметры на тактическом уровне совершенно иные. И мы можем обеспечить себе доминирование на тактическом уровне, отдав его на стратегическом уровне. И это не факт, что мы проиграем: всё зависит от того характера войн, которые мы ведём.

Димлевич Николай Романович, советник по медиапроектам Регионального учебно-научного центра (РУНЦ) "Безопасность", МГТУ им. Н.Э. Баумана:
США в 21 веке объявили киберпространство одной из первых зоной боевых действий, наряду с воздушной, морской и наземной. Это нужно понять для того, чтобы осознать, какие наступательные или оборонительные операции можно вести с точки зрения России. Я могу сказать следующее: для того чтобы их проводить, необходимо иметь хотя бы правовое обеспечение и тот координирующий и управляющий орган, который отсутствует в настоящее время в Российской Федерации. Например, такой, как Министерство кибербезопасности в США, ещё ряд примеров – они давно созданы во Франции, в Германии, в Китае. Поэтому в первую очередь, если добавить список приоритетных требований, я бы добавил то, что американцы называют непрерывностью проведения информационных операций. Если мы посмотрим с 2000 года – начало Афганистана, Ирака, Большой Ближний Восток, сейчас мы видим, как развивается по сценарию ситуация в Сирии. Вы говорили, что была кибератака на Бушер (в Иране), я бы напомнил, что после этого была проведена блестящая боевая операция по использованию киберпространства американцами и французами, особенно немцами при выборах иранского президента. Поэтому непрерывность в информационных войнах даёт конкретный конечный результат, по мнению американцев. У нас есть ряд министерств и ведомств, которые ведут ситуативно свои операции. К сожалению, в настоящее время у нас нет ни на законодательном, ни на финансовом, ни на управленческом уровне необходимого координирующего органа.
Оганесян А.Г.: Интересная деталь, в середине января я брал интервью у Генерального директора МАГАТЭ Юкио Омано и задал ему вопрос, на который он очень уклончиво отвечал. Вопрос касался защиты от кибератак на ядерные объекты. В МАГАТЭ записано, в том числе, обеспечить информационную безопасность ядерным объектам. На встрече присутствовал наш представитель при Центре ООН в Вене г-н А.Змеевский, который сказал, что в конце января в Вене запланирована встреча группы международных экспертов, которые проведут мозговой штурм, чтобы понять, что же было в Бушере, как же противодействовать не только вирусам, подобным Stuxnet, но и другим формам кибератак. И интересно, что ничего 25 января в Вене не состоялось. Потому что Германия, Россия и ряд стран согласились принять участие в обсуждении, а США и Франция категорически отказались участвовать в этом собрании. На таком не очень высоком уровне. Очень примечательно это.
Димлевич Н.Р.:
Хотел бы добавить: речь идёт о правовом обеспечении проблем международно-информационной безопасности. Здесь есть две проблемы, по которым в конструктивном ключе последние 10 лет работает Россия, и не очень – США и Запад. Это выработка единого глоссария, который у каждой страны свой, и сведение национальных законодательств к единому общему знаменателю, что невозможно. Приведу пример: в отношении России было блестяще опробовано 08.08.08 (нападение Грузии на Осетию), когда были задействованы все информационные системы в Западной Европе и США.
Хотел бы еще остановиться на вопросе отдалённости военного оператора от роботосистем. Впервые американцы начали это апробировать в Афганистане. Хотелось бы поддержать В-52, когда он идёт в автоматическом режиме с точки зрения наведения на цель, потому что на цель наводит не спутник, не беспилотник, а офицер, который сидит

в штате Невада и смотрит по монитору и отрабатывает операцию. При этом гибнет население, мы видели это и сейчас видим. Это касается использования и апробирования. Французы до 2015 года поставили задачу ввести в национальное законодательство – объявление войны любому государству, которое произведёт на Францию кибератаку. Они не будут это согласовывать ни с кем. У американцев доминирование – это основная стратегическая цель. Если взять китайскую модель, то в ней - и наступательная, и оборонительная задачи.

Оганесян А.Г.:

Спасибо за дополнение, у меня вопрос структурный: Вы говорите о создании министерства кибербезопасноси, а ФАПСИ разве у нас такой роли не играло?

Димлевич Н.Р.:

Да, оно играло очень хорошо эту роль с точки зрения поставленных задач до 2004 года, потом оно было «успешно» реформировано. И я бы добавил: с учётом того, что я представляю кафедру защиты информации, я бы не обольщался на счёт «Мистраля», на счёт авионики, в первую очередь, французской. Опыт атаки американцев в 2003 году в Ираке. Мы помним, что в первую очередь были введены коды и выключены системы ПВО из средств связи и управления. Это первое. Второе. В отношении Кремниевой долины, мы много говорим о блестящих разработках, о нашем скором сотрудничестве. Хотел бы напомнить, всего лишь 5% открытых разработок ведётся в Кремниевой долине; 95% - это разработки двойного и военного назначения. Прошу этого не забывать.

Тищенко Г.Г.:

У меня небольшое замечание на вопрос уважаемого ведущего о том, какие будут вооружённые силы, какие военные концепции будут введены в обозримом будущем. На данный момент военная наука не только у нас, но и в мире находится в некоем таком кризисе. Если посмотреть на прошедшие годы, на прошлый век, много говорилось о так называемой революции в военном деле. Но по прошествии стольких лет все понимают, что революции как таковой в военном деле не произошло. Да, были отдельные какие-то прорывные направления, были успехи, но в целом революции в военном деле не произошло. Что такое революция в военном деле? Это, прежде всего, революция в организационных формах ведения войны. Если посмотреть на сетецентричные войны и воздушно-космические операции, - это не есть нечто новое, это в принципе те старые концепции, которые реализовывались на том уровне техники. Попросту приклеили новый ярлык тем военным операциям, которые были известны издревле, но которые расширились, получили новые возможности, и теперь их называют сетецентрические войны.

Если говорить о революции в военном деле, то ожидали каких-то прорывных НИОКРов, прорывных результатов в двигателях, в датчиках. Но революция считается, если говорить о революции, а не о модернизации, то по общепринятым нормам по отношению к предыдущему поколению, коэффициент улучшения технических характеристик составляет 10-12 %. Так что говорить о прорывном движении в области военной науки не приходится, мне кажется.

Поволоцкий Г.И.:

Позволю несколько ремарок. В 60-е годы Маршал Соколовский в небольшой статье в журнале «Старшина, сержант» пробросил идею сетевой войны. Почему-то два американца у нас идут в качестве великих изобретателей сетевых войн. Если речь идёт о концепции сетецентричных войн, то, по моему мнению, авторство принадлежит российским генштабистам.

И второй момент. Он касается вопроса об информационных войнах. А как быть с электронным ударом? СССР в свое время лидировал по разработкам подобного оружия, и эти наработки оружия электронного удара остаются. Когда нанесен мощный электронный удар от радиотехники и информационной войны, мало что остается. Вся электроника выходит из строя. Тут я имею в виду, прежде всего, широкомасштабные военные конфликты.

Еще одна ремарка. Была задета тема покупки «Мистраля». «Мистраль», как очевидно, нам нужен и не для боевого применения, не из-за начинки, а из-за того, что Россия потеряла много ключевых технологий, позволяющих строить крупнотоннажные и авианосные боевые корабли. Как обучить строителей вновь спускать со стапелей авианосцы – в этом задача сотруд-

ничества с Францией и покупки «Мистраля», - сначала учиться у французов, потом самим на своих верфях строить те корабли, боевое применение которых будет вписываться в морскую стратегию. А авионику, как всегда бывало, да и вооружение снять и поставить свое, лучшее. Покупка «Мистрала» - это идея воссоздания, причем форсированного, инженерно-конструкторских, научно-технологических и рабочих школ в сфере ВПК.

Уваров Николай Митрофанович, начальник Отдела ситуационного анализа Счётной палаты, генерал-лейтенант:

Коль скоро всё крутится вокруг киберпространства, то в этих сетецентрических войнах основным и преобладающим принципом является тот, который американцы называют тотальная осведомлённость. Этот принцип пронизывает по существу все программы военного строительства США, в том числе и бюджет на 2012 год. Посмотрите, даже такие, казалось бы, далёкие от киберпространства понятия, как самолёты, проходят испытания и в армии, и в ВВС, на флоте и в морской пехоте, везде на первом месте фигурируют не самолёты, как таковые, а беспилотные летательные аппараты - сотни и тысячи штук на всех уровнях: от тактического звена, то есть от ротного и батальонного, до стратегического, если мы говорим о Global Hawk и Predator (названия американских самолётов-беспилотников).

Здесь говорилось о необходимости создания Министерства по кибербезопасности. Есть реально созданное в Вооружённых Силах РФ Киберкомандование или Командование ведения боевых действий в киберпространстве под эгидой Объединённого стратегического командования. Оно реально занимается наступательными операциями, а не только защитой самих себя. Это стратегическое командование.

Все понимают, что «кибер-штучки» уязвимы. Неслучайно на днях представитель НАТО, - он в 1999 году занимался пропагандой ударов по Югославии и всё время «крутился» на телевидении, а сейчас занимается вопросами информационной безопасности, - сказал, что мы пришли к ситуации, когда необходимо создавать резервные системы, которые бы работали в том случае, если вся электроника выйдет из строя. А что дальше-то делать? Придётся возвращаться к традиционным обычным способам управления войсками.

И несколько замечаний по основному выступлению. Финансовый кризис реально повлиял на военно-технический прогресс. Недавно Роберт Гейтс выступал с программным выступлением, его цитируют руководители Пентагона на разных уровнях. Он буквально заявил, кончилось время, когда мы могли платить по 20 млн. долларов за гаубицу, по 2 миллиарда за бомбардировщик, по 6 миллиардов за эсминец УРО (управляемый ракетным оружием). Надо экономить деньги.

Это не значит, что США отказались от гонки вооружений. Но они перешли в совершенно другую плоскость. Научные работы продолжаются, но они не реализуются в серию. Результаты откладываются «на полку». В этом нет ничего нового. Военные помнят, когда при Д.Форде разработали В-1 (бомбардировщик для преодоления нашей системы ПВО), пришла другая администрация Д.Картера. И два типа самолёта, хотя не завершены были испытания, положили «на полку». Пришла новая администрация Р.Рейгана, самолёты вернули в производство, и бомбардировщики успешно функционировали. НИР откладываются в долгосрочный резерв, это обычная практика.

Было время, когда военные технологии определяли развитие гражданских технологий. Этот период кончается. Характеризуя сетецентризм, многие на Западе используют такие характеристики: в 70-х годах верховному командующему США, чтобы связаться с командиром батальона в передовой зоне требовалось 15 минут при всех мощнейших системах связи. Во время Персидской войны в 1990-91 годы это время было сокращено до 3-х минут. Сейчас президент Обама может связаться с любым командиром взвода в течение секунд за счёт IP-телефонии.

Крамник Илья Александрович, политобозреватель газеты «Военно-промышленный курьер»:

Короткая ремарка по «Мистралю». Создается такое впечатление, что сама эта сделка, (особенно с учетом того, что в

текущем виде, в котором сейчас находится этот договор, «Мистраль» не купят), имела главную цель - не приобретение «Мистраля» для Военно-морского флота России, а проталкивание ракетоносителя «Союз» на космодром Куру. Эти две сделки были практически связаны. О них говорили и Путин, и Медведев во время общения с французскими коллегами. При этом «Мистраля» в ВМФ России пока нет и неизвестно еще, будет ли. А «Союз» с Куру полетит уже в сентябре.

Мизин В.И.:

Французы к нам обратились еще в 90-х гг. (я этим занимался) с предложением вместе запускать ракетоносители с космодрома Байконур. Тогда Россия имела 60% космических запусков. И поэтому через много лет французы нас молили дать наши «Союзы» на космодром Куру. Они как раз в этом заинтересованы. Я считаю, что с «Мистралем» тут все очень просто, это просто политическая сделка, концов которой мы не знаем. Крайним сделали несчастного адмирала Борисова и сказали, что он якобы заключал что-то там, не согласуя с делегацией. Но, кто вообще знает, как ведутся переговоры по военно-техническому сотрудничеству, это смеху подобно. Вероятно, там расклад совершенно другой. Совершенно правильно говорили, что у нас есть великолепные системы. Но у нас закрыты все верфи, и в Петербурге на этих верфях делают прутки для арматуры, т.е. строят очень мало. И что-то осталось уже в других республиках. Вероятно, сделка «Мистраль» за какие-то политические преференции, как была нефть за продовольствие. А с французами мы сотрудничаем очень давно. Можно посмотреть технологии, которые применяются в различных аэрокосмических системах Франции, они имеют понятное происхождение.

Тимофеев Иван Николаевич, директор Аналитического центра Института международных исследований МГИМО:

Анализ рисков вооруженных конфликтов имеет сходство с прогнозированием биржевой динамики – и в том, и в другом случае мы имеем дело с ярко выраженными нелинейными процессами, обострение которых часто носит резкий, взрывной, неожиданный характер. Для понимания общей картины существующих рисков, необходима их типология – выделение групп рисков, которым свойственны уникальные черты, и в отношении к которым требуется применять соответствующие меры.

Отметим следующие группы рисков.

К первой группе относятся риски, порождаемые внутренними конфликтами в т.н. «слабых», «гибнущих», «неудавшихся» государствах. Гражданские войны и внутренние противоречия нередко получают международное измерение, когда в них прямо или косвенно вовлекаются внешние силы. Подобное вмешательство имеет разную природу. Речь, с одной стороны, идет о привычных попытках расширения внешнеполитического влияния или сковывания конкурентов. Практика поддержки повстанцев (или же правительства), укрытия их на своей территории, поддержки одной из сторон имеет широкое распространение. Гражданская война в Демократической республике Конго 1998 г., конфликт между ДРК и Руандой, Руандой и Угандой, Суданом и Чадом в Африке, конфликт между Колумбией и Эквадором, напряженность между Колумбией и Венесуэлой в Латинской Америке – иллюстративные примеры подобных вмешательств. Примером может служить и пятидневная война 2008 г. в Закавказье. Помимо Грузии и ее бывших автономий, в нее были непосредственно вовлечены США и Россия. Вашингтон во многом обеспечил материальную подготовку операции грузинских войск, а Москва оказала прямую военную поддержку автономиям после ее начала. По счастью, конфликт не привел к необратимому ухудшению российско-американских отношений, но сама подоплека в духе холодной войны стала тревожным прецедентом.

С другой стороны, вмешательство во внутренние конфликты связывается с попыткой внешних сил не допустить превращения кризисных государств в «серые зоны» мировой и региональной политики. «Серые зоны» – территории, по сути, не подконтрольные каким-либо системным силам, а значит, являющиеся удобной площадкой для действий террористических организаций и преступных сетей. Подобные территории играют критическую роль, например, в арабо-израильском конфликте. Во

второй ливанской войне 2006 г. израильской армии противостояла радикальная шиитская группировка «Хезболла», которая фактически контролировала южные районы Ливана и использовала их в качестве базы для операций против Израиля.

В качестве яркого примера «серой зоны» выступает Афганистан. Международная коалиция пытается не только справиться с талибами и террористическими группировками, но и выстроить в Афганистане эффективное правительство, силы безопасности и экономическую инфраструктуру – то есть превратить Афганистан в «нормальное» государство. При этом число стран с кризисной государственностью может вырасти – в контексте афганской кампании – за счет Пакистана и стран Центральной Азии. Последствия внутренних кризисов в этих государствах, равно как и формы вмешательства третьих стран (США, России, Китая, Индии, Ирана и др.), зачастую, трудно предсказуемы.

Следует упомянуть и случай Сомали, когда внешнее вмешательство оказалось неэффективным, и государство, по сути, превратилось в одну из «серых зон», раздираемых гражданской войной и являющейся базой пиратов. Симптоматично, что проблему пиратства в зоне Аденского залива не могут решить государства, обладающие мощнейшими военно-морскими силами.

Итак, к первой группе риска относятся конфликты, непосредственной причиной которых является кризис государственности, спровоцированный внутренними экономическими трудностями, процессами территориальной дезинтеграции, неэффективностью и коррумпированностью органов государственной власти, межэтническими, религиозными, политическими противоречиями, в т.ч. подпитываемых извне. Основная форма реализации – гражданская война, активная роль радикальных движений и группировок, неправительственных акторов, интервенция или вмешательство зарубежных государств. Следствия этих кризисов выходят за пределы границ кризисного государства. Оно становится ареной конкуренции третьих сил или «серой зоной» мировой политики. Специфика этой группы рисков состоит в том, что они являются рисками в действии. Их потенциал по расшатыванию равновесия системы международных отношений пока только набирает обороты. Но если ее неустойчивость будет расти, любой подобный конфликт, по аналогии с «эффектом бабочки», может спровоцировать непропорционально сильные изменения на региональном и глобальном уровне.

Подчеркнем, что региональный и глобальный резонанс подобных кризисов невелик при условии, что кризисы будут происходить в относительно отсталых государствах, а система МО будет оставаться более или менее равновесной. В случае потери устойчивости даже минимальное локальное воздействие может привести к катастрофическим результатам. Пятидневная война 2008 г. в Закавказье, будучи локальной по своей природе, вполне могла иметь глобальные последствия – корабли России и НАТО в Черном море стояли друг от друга на расстоянии ракетного залпа. Относительно быстрое потепление в отношениях нашей страны с Североатлантическим альянсом показало, что существующая система отношений достаточно стабильна и «флуктуация» в виде конфликта в Грузии не выводит ее из равновесия. Признаюсь, что непосредственно после конфликта я придерживался более скептической точки зрения. Вторая группа риска связана с угрозой локальных конфликтов между государствами. В числе наиболее актуальных – конфликты между претендентами на роль региональных центров силы, которые обладают крупными военными потенциалами, включая ядерные. К их числу следует отнести, прежде всего, ситуацию вокруг иранской ядерной программы. В настоящее время Тегеран предпринимает активные усилия по созданию ядерных технологий, параллельно наращивая свой военный потенциал. На этом фоне растет напряженность в отношениях с США, их западными союзниками и Израилем. Администрация Барака Обамы пока не склонна к военному решению проблемы, однако подобный сценарий всерьез рассматривается всеми сторонами конфликта. Очевидно, что его последствия будут крайне деструктивны для региона даже при условии конвенциональной войны, без применения ЯО. Его использование одной или всеми сторо-

нами конфликта или же попадание ядерных материалов в руки террористических группировок еще больше усугубит ситуацию. Равно как и возможный политический кризис иранского государства в результате войны.

К числу потенциальных кризисных ситуаций в рамках данного направления следует отнести ситуацию на Корейском полуострове. Обстановка здесь может обостриться в результате военных провокаций, подобных гибели корвета ВМС РК «Чхонан» в марте 2010 г. Наличие ядерного оружия существенно повышает опасность эскалации конфликта. Его обострение может произойти и в результате режимных изменений в КНДР, особенно если они будут носить хаотичный, неуправляемый характер – в такой ситуации любая провокация или случайность могут спровоцировать вооруженное столкновение между Севером и Югом.

На повестке дня остается риск резкого ухудшения индо-пакистанских отношений. Несмотря на снижение напряженности в последние годы, оба государства имеют длительный опыт соперничества и рассматривают друг друга в числе потенциальных соперников. Среди возможных причин эскалации – пограничные столкновения и конфликты, кашмирский вопрос, внутренние проблемы в Пакистане. Проблема усугубляется наличием у сторон ядерного оружия.

Сохраняется риск вооруженного конфликта между Израилем и рядом мусульманских государств. Риски возрастут в случае превращения Ирана в ядерную державу – Израиль может стать одной из основных целей, способных, к тому же, нанести ответный ядерный удар. Отношения Израиля с Сирией, Иорданией, Египтом также сохраняют риск трансформации существующих противоречий в военные столкновения.

Неопределенными остаются последствия интервенции США в Ирак. Возможный вывод американских войск чреват кризисом нового политического режима, конкуренцией региональных игроков (Турции, Ирана и др.) за влияние в стране, последующим переходом иракской проблемы в первую группу риска, на фоне напряженности между шиитами и сунитами, и также курдской проблемы.

Разрушительный потенциал подобных конфликтов весьма высок. Во всех случаях результатом может стать кризис государственности одного из участников. В этом смысле данные риски близки рискам первой группы, но значительно превосходят их по своим следствиям и резонансу независимо от устойчивости системы как таковой.

В рамках данной группы следует отметить и другие локальные конфликты между государствами. Они связаны с пограничными спорами, конкуренцией за территорию и ресурсы, этническими конфликтами (сохраняющаяся напряженность в отношениях Армении и Азербайджана, эфиопо-эритрейский конфликт, конфликт между Эритреей и Джибути и др.). Потенциалы сторон в этих конфликтах относительно невелики, но их гуманитарные и экономические следствия также могут оказаться весьма серьезными.

К третьей группе рисков отнесем угрозу конфликта между государствами – мировыми центрами силы. Вероятность подобного конфликта крайне мала в силу достаточно высокой степени ответственности правительств этих государств, наличия значительных сил ядерного сдерживания, мощных конвенциональных вооружений, существующих партнерских отношений и экономических связей, а также высокой ценой, которую придется заплатить за такую войну. Тем не менее, само наличие военных потенциалов, а также амбиций по сохранению или расширению своего внешнеполитического влияния заставляют принимать во внимание данную группу рисков. Конфликт может быть непосредственно спровоцирован локальным кризисом, случайностью или их последовательностью, особенно если отношения между центрами силы будут носить неустойчивый, неравновесный характер.

Среди потенциальных линий противостояния отметим соперничество США и Китая. Пока оно не носит острого характера и в значительной степени смягчается высоким уровнем экономической взаимозависимости, но взаимный рост военных потенциалов вызывает пристальное внимание как в Вашингтоне, так и в Пекине. Далее, к числу возможных соперников можно отнести Индию и Китай. Оба

государства динамично развиваются, имеют протяженную границу и опыт вооруженного противостояния, быстро наращивают свои потенциалы, претендуют на растущую роль в международных делах. Конфликтный потенциал сохраняется в отношениях России, с одной стороны, США и их союзников по НАТО, с другой. Растущая асимметрия потенциалов, расширение НАТО на Восток, развитие американских стратегических вооружений и эрозия российских потенциалов, локальные противоречия на постсоветском пространстве в долгосрочной перспективе чреваты обострением отношений вплоть до применения силы. Сохраняется возможность вооруженного конфликта между Россией и Китаем. Проявляя скепсис к большому числу спекуляций на этот счет, все-таки отметим, что оба государства имеют весьма протяженную границу, а их потенциалы характеризуются растущей асимметрией в пользу Китая.

Еще раз подчеркнем, что вероятность подобных конфликтов крайне низка. Но и возможные последствия – наиболее сильны в сравнении с другими группами. Предельная форма реализации – военные действия с масштабным применением самых современных вооружений, обменом тактическими или стратегическими ядерными ударами. Результат – гуманитарные и экономические катастрофы регионального и глобального масштаба.

Указанные группы рисков следует рассматривать в комплексе. Реализация рисков первой и второй группы нередко тесно взаимосвязана, носит кумулятивный характер или проявляется в виде эффекта домино, создавая благоприятные условия для рисков третьей группы.

Их комплексность крайне актуальна для нашей страны. В России остается на повестке дня риск обострения внутренних конфликтов, прежде всего на Северном Кавказе. Внутренним кризисам подвержен ряд государств постсоветского пространства: прежде всего, Молдова и Киргизия. Сохраняется возможность межгосударственных конфликтов в Закавказье – между Арменией и Азербайджаном, Грузией и Абхазией, Грузией и Южной Осетией. На России непосредственно сказываются последствия гражданской войны в Афганистане – основной поток афганского наркотрафика имеет российскую ориентацию. Потенциал ряда крупных локальных конфликтов сосредоточен вблизи наших государственных границ (иранская и северокорейская проблемы, индо-пакистанские противоречия). Наконец, Россия потенциально может столкнуться с недружественной политикой крупных игроков, включая США и Китай. Наверняка нашей дипломатии удастся избежать конфронтации и с той, и с другой стороной. Однако Россия вполне может испытать на себе последствия противоречий между США и Китаем, которые могут обостриться в долгосрочной перспективе.

Орлов Александр Арсеньевич, директор ИМИ МГИМО МИД России:

Я скажу два слова в качестве пиара (PR), рекламы. В Аналитическом центре Института международных исследований МГИМО, на мой взгляд, там люди занимаются уникальным делом, они числовыми методами пытаются понять некоторые закономерности, в частности, когда речь идет о современных конфликтах. Я призываю собравшихся сегодня в аудитории к сотрудничеству. На мой взгляд, у нас мало, а может, и вообще нет подобных центров в России, которые бы занимались этим. На мой взгляд, это очень важно. Нам надо об этом подумать всем вместе.

Сивков К.В.:

В структурном отношении как по времени, так и по функционалу войны и военные конфликты XXI века не изменились. По-прежнему имеет место непосредственная заблаговременная подготовка военного конфликта, собственно ведение военного конфликта, его завершение и мир. А по функционалу - это собственно вооруженная борьба, это экономическая борьба, это политико-дипломатическая борьба, идеологическая и информационная борьба. А в морфологическом отношении изменения произошли существенные. Во-первых, резко возрос период заблаговременной подготовки. Если раньше (начало, середина и конец XX века) на этот период речь шла о месяцах и годах, то сейчас уже речь идет о нескольких годах для того, чтобы подготовить ту или иную войну в морально-психологическом отношении. Резко возросли факторы морально-психологи-

ческой, идейно-политической и информационной базы войны. Без этой базы война не имеет никакого успеха. Соответственно резко возросла сфера информационной борьбы в структурном отношении. Успех в информационной сфере, не только в военно-технической информационной сфере, захват и контроль информационного пространства поля боя, и в морально-психологическом отношении - это даже имеет большее значение и играет ключевую роль. Успех в морально-психологической борьбе порой решал ход и исход вооруженной борьбы. Существенно возрос фактор действия сил спецопераций по сравнению с предыдущими войнами. Во многих случаях действия спецопераций были единственными формами вооруженной борьбы, когда речь шла о конфликтах низкой интенсивности. Последние войны - афганская, иракская продолжающаяся, грузинский конфликт 2008 года, ливийская война - показали непреходящее значение морального фактора войск. Более того, войска, обладающие меньшим вооружением, но более высоким моральным состоянием имели успех, несмотря на то что противник превосходил в военно-техническом отношении. Похоронена идея бесконтактных войн, даже возможность идеи ведения этой войны полностью исключена. Последний гвоздь в эту идею забил ливийский конфликт. То же самое с идеей технического военного превосходства над моральным. Полностью похоронена идея роботизации войн - без солдата, пусть хорошо защищенного, войну не выиграть. Последний ливийский конфликт свидетельствует, что по итогам первой недели военных действий, ливийская система противовоздушной обороны, построенная на комплексах ПВО первого и второго поколения советских ПВО, решила ключевую оперативную задачу срыва воздушно-наступательной операции. Ни одной своей задачи ВВС НАТО при ударах по Ливии не решили до сих пор. Причина состояла в том, что применяя самые современные и совершенные средства вооруженной борьбы (а ливийцы вооружены устаревшим оружием), ливийцы нашли эффективные способы и формы решения задач противовоздушной обороны в сложившихся конкретно обстоятельствах. Одним из факторов, сыгравших ключевую роль в таком неблагоприятном исходе для войск НАТО, явилась их неготовность идти на жертвы, тогда как ливийцы готовы были идти на жертвы.

Оганесян А.Г.:

У меня гипотетический вопрос к Вам и ко всем. Если бы Ливия успела бы закупить нашу противовоздушную систему С-300 или С-400, более современную, то, что было бы? Можно промоделировать?

Сивков К.В.:

Можно промоделировать, но я полагаю, учитывая те цели и задачи, которые ставят перед собой ВС НАТО и сложившуюся политическую обстановку, это привело бы к тому, что натовцы создали бы более мощную группировку сил и средств, чуть больше затянули бы время подготовки и попытались бы подавить эту систему С-300. Но результат был бы такой же, как сейчас.

Крамник И.А.:

Я могу согласиться и добавлю, что отнюдь не факт, что к марту 2011 года они были бы готовы эту систему эксплуатировать и обслуживать.

Орлов А. А.:

Я хотел бы высказаться по поводу подготовки войн. Вы говорили, что раньше войны готовились за месяцы, а сейчас за годы. Но войны, которые были в последнее время, как раз спонтанные. Вы упомянули Афганистан. Вот было 11 сентября, а первые бомбежки были уже в конце сентября, если мне не изменяет память. Война в Ливии тоже готовилась не годы. То, что системно готовили западники, - это война в Ираке. Они провели там мощную пропагандистскую компанию. Помните, всех там обманули с пробирками, с лабораториями в трейлерах. Сейчас все об этом уже забыли. Их госсекретарь в Совете Безопасности доказывал, что там действительно есть оружие массового поражения (ему до сих пор достаточно стыдно, что его подставили тогда). Война 2008 года на Кавказе возникла достаточно спонтанно и быстро. И, во всяком случае, со стороны России там не было подготовки, там не было не то что года, там даже месяцев не было, там были дни. Как это соотносится, как Вы думаете?

Сивков К.В.:

Начнем, во-первых, с того, что я говорю о тенденции. Тенденция предполагает наличие разброса параметров - это первый момент. Второй момент - всегда есть агрессор, который готовит войну длительное время,

и есть жертва, которая вынуждена отвечать достаточно быстро. Третий момент, вот было 11 сентября. Был официальный американский фильм, в котором шеф ЦРУ на сенатском слушании официально заявляет, что за месяц до случившегося в ФБР были предоставлены все паспорта (копии паспортов), фотографии, фамилии и имена всех этих бандитов. И ФБР ничего не сделало для того чтобы предотвратить эту провокацию. Из этого я делаю очень простой вывод, что ФБР содействовало этому акту непринятия мер. Очень все это мне напоминает Глевиц, внезапное нападение польских военнослужащих на германскую радиостанцию, а потом внезапное нападение на Польшу. Но этому предшествовал определенный момент – война, надо было сосредоточить группировки сил и т.д. Что касается войны в Афганистане, давайте вспомним весь предшествующий период, вопрос о длительной морально-психологической подготовке, о необходимости создания нового мирового порядка.

Разговоры в 90-е гг. шли о создании нового мирового порядка. Проводились экономические акты подготовки, создавались группировки войск. Чтобы решить задачу войны в Афганистане того времени, чтобы накопить необходимые ресурсы - этого недостаточно. Они были созданы задолго до 11 сентября. Что касается Ливии, это пример провокации всего Ближнего Востока. Меня могут опровергать, но не бывает так, что все это произошло случайно, одновременно, по единому сценарию - это невозможно. Это срежиссированный сценарий. А тут, когда с интервалом в месяц, в неделю взрывается десяток стран, это непохоже на классический сценарий. Про Ливию хочу сказать, что не ожидали такого сопротивления со стороны Каддафи. Именно потому, что не смогли подготовить надлежащим образом ни материально-технические ресурсы, ни создать должную группировку, они и проиграли эту воздушную операцию.

Тимофеев И.Н.:

В конце 90-х-начале 2000-х гг. был разработан первый этап внедрения плана концепции Бжезинского о сближении Большого Ближнего Востока. В 2004-2005 гг. она закончилась неудачей. Задача там была как раз та, которая сейчас реализуется. Эта задача реализуется системой НПО и НКО, которая очень четко финансируется, в ее системной основе американский Госдеп, и они заявляли об этом неоднократно.

Сивков К.В.:

Теперь, что касается Афганистана и 11 сентября. Хочу обратить внимание, особенно И.Н. Тимофеева, что теория борьбы с международным терроризмом США была великолепно внедрена. После взрывов башен была проведена гениальная информационно-пропагандистская компания в США: было изменено законодательство, была создана структура, были выделены деньги. В борьбу с международным терроризмом под руководством США были вовлечены все страны, которые защищали интересы США. Афганистан – это промежуточный этап по Ирану. В прошлом году, участвуя в одном круглом столе, встретился с итальянскими дипломатами, которые вернулись из Афганистана. Итальянцы потеряли там 5 человек, потому что не успели откупиться перед талибами. И если мы спросим американцев, почему они не воют с наркопотоком в Афганистане, ответ очевиден. Потому что будут убивать и будут убивать очень жестоко. Там есть вера. Что сейчас мы видим на Большом Ближнем Востоке, что мы видели и в Грузии? В Грузии все было неслучайно, тщательно подготовлено. Чечня, Дагестан, Ингушетия – все мононациональные республики, русских там практически нет уже. А системы НПО - это 3-5 человек, которые работают по американским грантам. То же самое было сделано и на Большом Ближнем Востоке. Возьмите Алжир, Египет, Ливию. Посмотрите, что сейчас происходит в Сирии – то же самое. Ничего случайного нет. Точно также, как нет случайного в Грузии, куда пришел конкретный человек, которого готовили загодя – буквально 2-3 года.

Оганесян А.Г.: Интересно развиваются разные точки зрения.

Тищенко Г.Г.: Я хотел бы поблагодарить Ивана Алексеевича за интересный доклад. У меня несколько замечаний. В МГИМО проводятся новаторские исследования. Я думаю, что наши взаимоотношения мы продолжим на этой почве. Касаясь его доклада, хочу добавить следующее. Он интересно

рассказывал о беспилотных летательных аппаратах, которые использовали в Афганистане. Ранее американцы использовали разведывательные летательные аппараты. Сейчас принято решение об использовании ударных систем. Было бы интересно, если ребята высказали свое мнение об использовании этих систем. Здесь говорилось много о беспилотных летательных аппаратах как о новейшем направлении в развитии техники. Но могу сказать, что здесь очень-очень большие сложности, которые только сейчас начинают осознавать. Во-первых, очень дорогая подготовка экипажей этих самолетов. Во-вторых, есть проблема, как обрабатывать информацию. То есть с точки зрения стоимости и эффективности даже легче послать наземную какую-нибудь диверсионную, разведывательную группу, которая бы эту задачу решила, но за меньшие деньги. Здесь избыток информации, с которой непонятно, что делать.

Ведущий задал вопрос о том, каковы отношения и каковы новые концепции возможных военных действий между ведущими военными державами. Я считаю, что здесь нельзя обойти отношения России и США. Если положить перед собой все последние документы в области военного строительства, в области национальной безопасности, которые разработаны Соединенными Штатами и приняты буквально в начале этого года, то здесь намечается, на мой взгляд, очень опасная тенденция. Это упор на использование высокоточного оружия, не ядерного оружия в первом ударе. Это принципиально меняет все в наших отношениях. До этого этот вариант, бесспорно, рассматривался в стратегии ядерного сдерживания. Были варианты использования в первом ударе высокоточного оружия, но сейчас делается немалый крен именно на использовании этого оружия в первом ударе. К сожалению, этот тренд в стратегической концепции США – в стратегическом сдерживании – у нас еще пока не разработан, не исследуется, а американцы, когда начинаешь с ними обсуждать будущие летательные аппараты, воздушно-космические и т.д., концепцию глобального молниеносного удара, от этого дела пытаются уйти, избегают эту тему разговора.

Здесь говорилось о подготовке операции, допустим, против стран, о сроках проведения. Могу сказать, что согласно действующим положениям, которые существуют в Соединенных Штатах, время на развертывание воздушной группировки – от одного до трех месяцев, наземной – от трех до шести месяцев.

Мизин В.И.:

Я не открою военную тайну. Мы любим сами себя запугивать, но самыми опасными сейчас для нас являются эти высокоточные умные вооружения, потому что ядерное оружие уже становится оружием бедных, а высокоточные вооружения могут делать наверное только 2-3 страны в мире. В данном случае Россия не в лучшем положении. У России есть ядерное оружие, и в случае нападения на нас ядреные ракеты противника не долетят.

Сивков К.В.:

У меня очень короткая ремарка. Я хочу обратить ваше внимание, что для решения проблемы обеспечения высокоточными боеприпасами нужны не 1-2 боеприпаса, а гораздо больше – порядка 10-12. Главная проблема – это не количество ракет, а средства доставки. Здесь у них нет возможности массированного удара. Поэтому решить задачу только высокоточным оружием – полная бессмыслица.

Оганесян А.Г.:

По-моему, это признали в ливийской истории.

Из предыдущего доклада перекочевала одна важная тема – тема влияния современных видов вооружений, в том числе и точечного, кстати, но также космического, информационного. Процитирую буквально: «Основные арены битв в течение века будут приноситься с земного пространства в два других – космическое и интернет. Информационно-коммуникационные военные технологии или информационное оружие будут постепенно вытеснять ядерное в качестве сверхоружия века». Эта цитата принадлежит моему другу и коллеге, главному редактору журнала «Индекс безопасности» Владимиру Орлову. Тезис для кого-то бесспорный, для кого-то – спорный. Я попросил бы следующего докладчика эту тему затронуть. Еще я хотел бы поддержать мысль первого докладчика о том, что – вы знаете эту тенденцию - вычленить в движении талибов «умеренных» и «неумеренных».

В одной из своих статей я ввел такой термин «конвертируемой демократии», которая поворачивается к внешнему миру, условно электоральной системе, как Карзай это делает, по сути, оставаясь авторитарной. Слабость этих конвертируемых демократий в том, что они, конечно, демократии-хамелеоны и что опасны своей амбивалентностью, которая меняет свою окраску и нестабильна. Карзай, конечно, никакой не друг американцев, не демократ. Очень показательно то, что произошло в Кандагаре, в миссии ООН – подстрекательскую роль сыграли и талибы, которые ушли от Талибана и присягнули на верность Карзаю. Это не помешало им отрезать головы в Кандагаре. Это опасная ситуация в региональных конфликтах.

Я передаю слово следующему докладчику. Тема – как и каким оружием будут воевать в будущем.

Крамник И.А.:

Уже немало было сказано, относящегося к теме моего доклада. Высказывались разные суждения. Я в своем докладе побуду скептиком и консерватором. Нам в ближайшие 30-40, а, может быть, и в 50 лет не стоит ждать каких-то прорывных чудес именно в тактике технических характеристик железа, которые применяются на поле боя, на поверхности воды, под водой, в воздухе, в космосе для уничтожения человека и себе подобных. Можно сказать, что собственно тактика технических характеристик железа сейчас не главная в качестве оружия. Если смотреть именно на них, то есть оценивать оружие (быстрее, выше, сильнее, дальше), то пик развития железа – это 60—70-е годы 20-го века, когда была гонка за скоростью, за дальностью, за глубоким погружением, тогда создавались самые скоростные самолеты, самые дальние ракеты и т.п. Вместе с тем у нас сейчас наблюдается определенная мифологизация нового оружия, особенно того, которое еще не существует, о котором, зачастую, в СМИ, а иногда и в бульварных СМИ, ничего не пишут. Это, прежде всего, касается таких тем, как метереологическое оружие, климатическое оружие, тектоническое оружие и даже психотропное оружие, которое относится чаще всего к разряду медицинскому. Таких мифов очень много, и они устойчиво живучи среди населения, которое, скажем так, потребляет информационный продукт. Такие виды оружия, которых еще нет, все равно являются оружием запугивания. То есть разговоры о климатическом и тектоническом оружии способны весьма эффективно создать соответствующий фон, на котором уже можно проводить какие-то операции в информационной борьбе, и здесь информационное оружие доминирует. И в ближайших войнах оно будет играть определяющую роль. Какими будут эти войны? Если говорить о войнах между крупными государствами, то, на мой взгляд, крупные войны между развитыми экономически государствами с применением обычных средств вооружений, тем более оружия массового уничтожения, сегодня стали практически невозможными. Почему? Есть хорошая английская поговорка: «Не стоит кидаться камнями, живя в стеклянном доме». В стеклянном доме живут сейчас практически все страны в мире. Вспомним март 2011 года – землетрясения в 9 баллов в северной Японии – и соответствующие последствия для атомной электростанции Фукусимы. Это был слепой удар стихии против станции. Как-то рассчитывали при строительстве этой атомной станции возможные атаки современным оружием? На защиту от хорошо поставленного тактического удара, даже не ядерного боеприпаса, а нескольких обычных ракет или бомб, эта станция не рассчитана никак. И представить себе, какой же был кошмар, если был спланирован тактический удар бомбардировочной эскадрильи, сегодня просто не возможно. Это распространяется абсолютно на все страны мира. Мы помним, что было с Москвой в период ледяного дождя. Мы помним, что было с Москвой, с Санкт-Петербургом во время блэкаута. Что будет с Санкт-Петербургом в случае удара по Сосновому бору!? Что будет с Москвой в случае удара по Калининской АЭС?! То же самое можно сказать про все государства мира. Все прекрасно понимают, что вражда между Россией и США, между Россией и Китаем, между Россией и европейскими странами НАТО будет самоубийством, отбрасывающим на сотни лет назад цивилизацию. Поэтому подобные войны невозможны. При этом, естественно, крупные государства будут продол-

жать соперничать друг с другом.

Прежде всего, это соперничество будет осуществляться в виде непрямых действий и в виде локальных конфликтов в третьих странах, где они будут подрывать позиции друг друга, точно так же, как это делали СССР и США, нарушая планы и позиции друг друга в локальных конфликтах во время «холодной войны». И сегодня, соответственно, мы наблюдаем, как развиваются вооруженные силы именно в подгонке их к локальным конфликтам. Мы наблюдаем политику обеспечения технологического превосходства над странами третьего мира при одновременном стремлении к снижению людских потерь. То есть пытаются перенести большую часть миссии на беспилотные летательные аппараты, которые позволяют не рисковать личным составом в боевых операциях. Пытаются достичь превосходства в информационной сфере, максимально сократив время между обнаружением цели и передачи координат этой цели на уничтожение, в идеале сведя его вообще до 0. Пытаются сократить потерю времени на информационные трения и налаживание взаимодействия путем создания межродовых командований, которые при этом спускаются вниз.

Если во Второй мировой войне это объединенное командование начиналось с уровня Генеральных штабов фронтового уровня, то дальше – во Вьетнамской войне – имелись совмещенные межродовые командования на уровне армий и армейского корпуса. Сейчас у нас координация действий разная, начинается командование с уровня роты. Ротный командир командует тактической группой, в которую входят и его родные пехотинцы, и танки, и какое-то количество легкой артиллерии, и при этом он должен также понимать, как разбираться с армейской авиацией, как навести на цель, чтобы она его поддержала. Все это в сочетании с прогрессом в других областях, обеспечивающих деятельность Вооруженных сил, включая и сокращение времени эвакуации с поля боя, и обеспечение медицинской помощью, и еще многое другое вплоть до обеспечения антисептиков для обеззараживания воды. Прежде всего, надо сократить потери и, как следствие, снизить политический эффект от войн, которые ведутся где-то за рубежом, потери в которых воспринимаются населением и оппозиционными политиками развитых стран довольно чувствительно.

Возвращаясь к техническому прогрессу в области развития вооружений, то здесь мы имеем очень интересный эффект. Совсем недавно в США был издан Ассоциацией авиакосмической промышленности США очень интересный доклад под названием «Неожиданная расплата промышленной военной стратегии». В нем ведущие инженеры американского авиапрома прямо говорят, что военные планы Пентагона в достижении глобального тактического превосходства не могли быть реализованы из-за отсутствия соответствующей фундаментальной базы. Речь идет о том, что сегодня перед США – перед ними первыми как более продвинутыми в военном отношении – возникла такая вещь, как фундаментальный технологический барьер. Если мы посмотрим на те технологии, которые мы сегодня развиваем, то корни растут из концепции, разработок и новинок, появившимися со второй половины 30-50-х годов, – это буквально ураган изобретений предвоенный, во время Второй мировой войны и во время начавшейся гонки вооружений. За этот временной предел выходит очень немного фундаментальных новинок – лазер (60-е годы), ряд новых конструкционных материалов (60-70-е годы). Все остальное – от радаров до компьютеров, от реактивных двигателей до управляемого оружия, вплоть до ядерного – это все технологический толчок прошлого. Именно на базе научно-технической революции, которая выросла из Второй мировой, развитые страны все время летели вперед. Технологический прогресс шел по линии фундаментальных инноваций, которые тогда появились. На базе имеющихся фундаментальных изобретений технический прогресс становится все сложнее, поскольку если мы посмотрим на развитие той же авиации как наиболее прогрессивного вида техники, то каждое следующее поколение разрабатывается в 2-3 раза дольше, и самолеты следующего поколения на порядок дороже, чем предыдущие. Сейчас за Ф-22 американцы платят почти 2000 млн., а Ф-15 в начале его

серийного производства обходился в конце 70-х годов в 20 с небольшим миллионов. Даже с поправками инфляции мы имеем рост стоимости военной авиации на несколько порядков. И на несколько порядков возросла стоимость ее разработки. Опять же за примером обратимся к США. От многих десятков конструкторских бюро, которые занимались разработкой авиатехники в 30-х гг., к концу 40-х осталось количество, которое можно пересчитать по пальцам двух рук. Сейчас же имеем такую ситуацию, что такой же разработкой боевой и авиационной техники в США занимаются три концерна, которые поглотили всех остальных. Этот же процесс, но с очень большой кровью, произошел и в России – и фундаментальный технологический барьер, и рост стоимости разработок. Количество структур, которые разрабатывают эту технику, неизбежно бы сократилось до минимума, который могла бы поддерживать экономика. Этого не произошло в организованном виде, просто страна распалась, мы получили катастрофу, из которой сейчас из разрозненных деталей пытаемся собрать что-то обратно. Этот процесс был бы неизбежен в силу того, что отдельные КБ не смогли бы потянуть столь масштабных проектов, как истребители пятого поколения, которые сейчас тянут в одиночку «Сухой». Фактически они используют наработки и собственные, и фундаментальных институтов, и наработки, которые были у КБ Микояна, и которые они получали от иностранных партнеров.

Я не предполагаю, когда произойдут какие-то фундаментальные прорывы, этого никто не знает. Может быть, это будет изобретение каких-то новых источников энергии, которые позволят резко упростить питание ряда боевых систем, сделав их более компактными. До того, как это произойдет, мы будем вынуждены пользоваться существующей ныне авиатехникой. Поэтому можно даже держать пари, что в случае конфликтов 2030-х гг., мы увидим бомбовые удары самолетов Ф-18, Ф-15 и на воздушном параде Су-27.

И еще. Тут кто-то говорил, что Китай вооружается, в том числе и при помощи самой России. И в этом смысле политика Москвы выглядит близорукой, и что надо бы России признать хотя бы теоретическую угрозу со стороны Китая. Так вот все помнят учения «Восток-2010». Одна из тем этого учения – отражение наступления мотопехотной дивизии незаконных вооруженных формирований в применении тактического ядерного оружия. Учения проходили на Дальнем Востоке. Я могу только спросить, чья мотопехотная дивизия там может быть, наступление которой надо отражать с применением условно двух ядерных боеприпасов. По-моему, это лучший ответ на вопрос. По словам военных, которые участвовали в этих учениях, гипотетическое российское наступление вместе с монголами через Гоби является до сих пор ночным кошмаром Китая. Они реально этого боятся и готовятся к отражению этого наступления.

Оганесян А.Г.:

Говоря о Китае, хочу обратить ваше внимание на комментарий в связи с последней встречей саммита БРИКС. Накануне буквально Национальный разведывательный совет США сделал такое предсказание: к 2020 или 2025 году БРИКС распадется и не будет этого образования. Жизнь не дискретна, до этого еще дожить надо, пока что БРИКС сиграет свою роль. Что касается Китая, в национальной доктрине безопасности впервые был сделан акцент не на китайскую угрозу. Американцы отчетливо дали понять, что Китай – их головная боль. И многое вызывает спор – военными ли успехами или экономическими. Я думаю, и теми, и другими. Все сопряжено, хотя, думаю, преобладает страх именно перед экономической экспансией Китая. Но о китайской угрозе нам все чаще начинают говорить. Я хотел обратить внимание на одну деталь в отношении Китая – старый спор между Трубецким и суворинym в прошлом веке относительно того, как ведут себя китайцы. Мы никак не можем понять, что это совершенно другая цивилизация. Дело не в том, строят они или не строят города или дома– в данном случае я полемизирую со своим коллегой – они иначе относятся к вопросу живой силы. Во-первых, ее много, а, во-вторых, отношение к ней другое. Дело не в количестве. А китайцы могут приносить в жертву поколение для роста, они смотрят в будущее, как мы с вами в прошлое, они – веками, мы – десятилетиями. И это продемонстрировала наша

с вами дискуссия. Я не хочу сказать, что я сторонник идеи китайской угрозы, но надо быть очень осторожным. Списывать со счетов я бы ее не стал, потому что на перспективу – это вызов, уж точно. И в военном отношении, когда мы какой-то контрапункт выстраиваем на Дальнем Востоке, его, конечно, надо выстраивать. Я думаю, что следующий выступающий г-н Сивков коснется этой темы. В любом случае ситуация очень непростая.

Мизин В.И.:

Я хотел бы сказать, что с Вами согласен. Когда анализируют наше военно-стратегическое планирование, мы видим какие-то точечные для себя вызовы, или они характеризуются угрозами. Американцы картинку строят, а у китайцев эта картинка многомерная – голографическая, обращенная в будущее. А у нас этой картинки нет. Китайцы хотят стать властелинами мира – это старые конфуцианские идеи. А вот чего мы хотим на самом деле?

Манойло Андрей Викторович, профессор Дипакадемии МИД России:

Небольшая ремарка по поводу угрозы Китая и отношений, которые сегодня Россия выстраивает с Китаем. В отличие от того же НАТО, которая активно расширяется на Восток и обладает соответствующим военным и политическим потенциалом, и достаточно четко декларирует свои цели, говорить об угрозе Китая сегодня преждевременно. К этому вопросу, на мой взгляд, надо относиться очень осторожно в силу ряда причин. Прежде всего, потому что Китай – наш сосед. Китай, в отличие от США и Европейского союза, еще не стал великой державой. Он не обладает вооруженными силами, которые реально готовы схлестнуться в открытом конфликте с любым из существующих военно-политических союзов, хотя комплексное перевооружение в Китае завершается. В 2017 году он получит ту армию, которая сможет сдерживать любую военную угрозу. Тем не менее, Китай обладает большими людскими ресурсами. На сегодняшний день Китай в отношении к России выстраивает политику конкуренции в тех регионах, где мы с ним сталкиваемся, например, в Центральной Азии. Но эта конкуренция исключает конфронтационную составляющую. Россия достаточно успешно реализует свои задачи совместно с Китаем, так как во многом интересы России и Китая совпадают. Например, в сдерживании наиболее грубой и агрессивной экспансии со стороны Соединенных Штатов. Китай, несмотря на то что всегда преследует свои интересы, идет с Россией по параллельному политическому курсу. Что касается угрозы, США давно озабочены мыслями о Китае, потому что они не исключают того, что Китай, когда наберет силу, это может привести к более жестким отношениям, чем они есть сейчас, может быть, даже к глобальным вооруженным конфликтам. Здесь как раз кроется причина, по которой действуют США, здесь может быть скрыта причина сложившейся ситуации на Ближнем Востоке и в Северной Африке, которые поставляют до 30 процентов нефти и углеводородов. Одна Ливия – процентов 10, Судан – 13, где присутствуют и американцы, и французы, и китайцы. До 30 процентов нефти и нефтепродуктов растущему Китаю поставляет Ирак. Поэтому, с одной стороны, уделяют пристальное внимание Северной Африке и Ближнему Востоку, а с другой - Ираку и Афганистану. Во многом такое положение дел объясняет ситуацию, которая сейчас сложилась в Афганистане. Американцы не борются с международным терроризмом, как мы считаем. Нет ни одного американского солдата в Афганистане. Они захватывают военные базы не своими силами. Операции проводятся с помощью союзников. Если перебросить мостик на события сегодня в Северной Африке и на Ближнем Востоке, то при смене правительств, того же Каддафи, революционеры напрямую будут заинтересованы в поддержке Запада, чтобы защитить свои позиции. Соответственно будет проводиться и политика транзитных поставок нефти, нефтепродуктов и углеводородов. Если американцы перекроют поставки углеводородов Китаю, то это наверняка скажется на их темпах развития.

Димлевич Н.Р.:

Доклад И.А.Крамника – очень противоречивый. Советский Союз развалился не от ударов, а в результате серии информационно- психологических операций. Говорилось, что к 2030 году будут нанесены ракетные

удары и прочее. Что мы видим сейчас на Ближнем Востоке? То же самое, что во времена распада СССР. К 2030 году основой изменения политического конституционного строя будет не уничтожение противника, а захват и управление территориями. Здесь не было сказано самого важного – о Китае и США. Не забывайте, что на сегодняшний день США являются самым большим должником Китая. Говорили, что США создают неуправляемый хаос. В США есть совершено отработанная концепция неуправляемого хаоса, и она сейчас реализуется. Дефицит и долг США – это абсолютно мифическое состояние как в прошлом, так и в настоящем, и будущем. Потому что в США доллар не обеспечивается золотом. Американцы проводят свои финансовые операции по всему миру.

Орлов А.А.:

Я хотел бы поддержать докладчика. К вопросу о тяготах США – маленький сценарий. Израиль наносит удар по Ирану, Иран думает, что удар наносят США, в ответ поджигает какой-нибудь танкер в Аргунском проливе, нефть разливается, пролив закрывается. Через этот пролив нефть получают Япония, Китай, Западная Европа. США возят нефть с Дальнего Востока через Саудовскую Аравию, далее трубопроводом к Средиземному морю. А если нанести попросту такой небольшой удар, Иран закупоривает Аргунский пролив - рушатся экономики Европы, Японии, Китая. Все основные конкуренты просто рушатся.

Оганесян А.Г.:

К вопросу об неуправляемом хаосе. У меня в передаче «Визави» был один эксперт. Он предложил следующую версию: США поняли, что наступил кризис глобального управления, и они уже не могут глобально управлять, придется уходить. Большой Ближний Восток не получился. А чтобы никому это не досталось, создадим там хаос. Сначала я это слушал с некоторым недоумением, но потом понял, для чего там нужно было создавать хаос.

Орлов А.А.:

Я разделяю такую точку зрения, что американцев нельзя недооценивать. Вся их внешняя и военная политика последних десятилетий – это цепь ошибок. Начиная с Афганистана, я думаю, что со мной согласятся. Все, что мы сейчас переживаем, это последствия ситуации в Афганистане. В принципе, была политическая воля американцев, можно было договориться с Советским Союзом. И был мир и порядок. Этого не произошло из-за того, что, видимо, ставились иные цели.

Оганесян А.Г.:

Следующий докладчик коснется темы будущих военных конфликтов.

Сивков К.В.:

Говоря объективно, больше всего в сохранении Советского Союза и Варшавского договора были заинтересованы США и НАТО. Благодаря этому они могли жить безбедно. Поэтому все катастрофы и возникли.

Возможность развития различных военных конфликтов в будущем и где проходит линия разлома. Сначала о терминах, о военных конфликтах и их классификации, которые были разработаны в Центре стратегических исследований Генштаба.

Военные конфликты различаются в следующих видах:

Первый – пограничный конфликт, который по продолжительности может проходить от недели до месяца и более, требует по численности порядка 10 -50 тысяч человек.

Второй по уровню – вооруженный конфликт, который может быть и внутренним, и внешним. Такой конфликт требует группировки порядка 100 тысяч человек, может быть, больше 120 тысяч. Продолжительность – от месяца до нескольких лет.

Третий по масштабу – локальная война, которая требует численности порядка миллиона человек, она может длиться несколько лет.

Следующая – региональная война. Пример – Великая Отечественная война. Она требует группировки порядка 5-6 миллионов человек и будет длиться несколько лет.

Высшей формой военного конфликта является мировая война. По структуре она может представлять систему региональных, локальных войн, вооруженных конфликтов или просто локальных войн, которые будут охватывать значительную часть территорий Земли. С этой точки зрения посмотрим, возможны какие-либо из этого перечня военные конфликты в будущем, и чем они будут вызваны. Любые конфликты вызываются системой противоречий. В настоящее время, если говорить об имеющихся военных и геополитических противоречиях, которые есть в мире, надо вы-

делить три группы противоречий, которые способны вызвать военные конфликты. Первая – группа глобальных противоречий, вторая – региональные противоречия, третья – внутренние противоречия государства. По глобальным противоречиям. Первое глобальное противоречие, которое ставит на кон всю направленность развития цивилизаций - это противоречие между ростом объема потребления и возможностями экологии Земли по переработке человеческих отходов, а также оставшимися ресурсами, которые есть у человечества на Земле. Это противоречие антагонистическое, потому оно предполагает по их разрешению одно из двух: либо ограничить это потребление, либо изменить социальный строй. Поскольку в нынешних условиях капитализм как форма хозяйствования себя исчерпал и показал, что дальнейшее развитие человечества по данному пути приведет к резкому сокращению численности населения Земли. Возникает вопрос – за счет кого сокращать? Второе противоречие, которое существует, - это противоречие, вызванное между диспропорциями распределения производственных мощностей и сырья. Развитые страны имеют высокотехнологичное производство, другие – сырье. Неадекватный обмен между ними приводит к обогащению одних и обнищанию других. Возникает противоречие: либо надо одни страны оставить в подчиненном состоянии, либо установить справедливое распределение доходов, что приведет к обнищанию других стран, к изменению социального строя. Третье противоречие глобального характера, которое можно отметить – противоречие между бездуховностью свободного рынка и духовными ценностями традиционных цивилизаций. Это поражает ту взрывную массу, которая идет в ряды боевиков, в ряды смертников, с другой стороны - заставляет принимать какие-то меры. Рынок в том виде, который сейчас существует на планете, и духовные ценности существующих традиционных цивилизаций не совместимы. Новый глобальный мир должен определиться, с кем он: либо со свободным рынком, либо на духовных ценностях традиционных цивилизаций. Наконец, нельзя не заметить еще одно важное противоречие – между гигантским финансовым пузырем, гигантской властью финансовых корпораций и реальным сектором экономики. То противоречие, которое сыграло решающую роль к приходу Адольфа Гитлера к власти в 1933 году, противоречие, благодаря которому бюстик Гитлера стоял у Форда на столе, это противоречие между финансовым и промышленным капиталом. Его разрешение предполагает: либо ликвидацию власти финансового капитала, либо ликвидацию власти промышленного капитала. Вот эта система противоречий формирует систему угроз и предполагает, что его разрешение возможно только через построение нового мирового порядка, о котором многое говорили господа из-за океана. Он объективно необходим. Вопрос упирается в то, какой это будет порядок. С одной стороны предлагается модель, которая известна под названием «Золотой миллиард». Эта модель предполагает доминирование западной цивилизации над всем остальным миром, с другой стороны предлагается альтернативная модель – со стороны того же Китая, Индии, России, Бразилии, ряда стран Ближнего Востока. Это многополярный мир, но в этом мире не обеспечивается благоденствие западной цивилизации. Это приводит к глобальному геополитическому разлому всего мира на два грандиозных блока: западная цивилизация и весь остальной мир. Этот разлом реально сейчас существует. Теперь о региональных противоречиях. В первую очередь, это противоречие идет по периметру Россия с Китаем (есть противоречия, связанные с территориальными претензиями), Китай-Индия (есть противоречия, связанные с территориальными претензиями), Россия-Япония (претензии к Курильским островам, половине острова Сахалин), Индия-Пакистан, есть внутренние противоречия в арабском мире, противоречия между Ираном и Арабским миром, между Севером и Югом на американских континентах. Все эти противоречия чреваты военными конфликтами. Наконец, существуют внутренние противоречия. Главным образом, это противоречия, связанные с двумя группами. Социально-политические – это противоречия между различными социальными слоями внутри государств, прежде всего между элитами и ни-

зами, которые связаны с несправедливым распределением материального продукта, и они наиболее ярко появляются в том случае, когда 10 процентов самых богатых получают более чем в 15 раз по отношению к бедным.

Другой тип противоречий внутренних - это противоречия этнокультурные и религиозные. Их предостаточно и на территории России, и на территории других стран, особенно в США – противоречия между цветными и белыми. Вот эта вся система противоречий позволяет говорить о том, что, в сущности, весь спектр войн, которые я назвал, реально существует и угроза их возникновения. Начнем с конфликтов внутренних. Внутренние военные конфликты наиболее вероятны сегодня на территории России. Следует ожидать возникновения военных конфликтов масштаба локальная война в районе Ближнего Востока, в том числе с участием стран Запада. Возможны возникновения военных конфликтов масштаба вооруженный конфликт в Центрально-Азиатском регионе – туда будет втянута Россия в связи с необходимостью поддерживать своих союзников по этому региону, Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности Камбодже и Тайланде. Все эти конфликты будут в значительной степени связаны глобальным общим противоречием, которое предполагает построение нового мирового порядка. В истории нет такого случая, когда новый мировой порядок строился без войны. Два таких случая было – в начале 20-го века в рамках Первой мировой войны и в середине 20-го века в форме Второй мировой войны. Сейчас назревает новый мировой порядок – возможна третья мировая война как естественная эскалация локальных конфликтов регионального масштаба, которые сольются в крупномасштабные конфликты. Возможны возникновения военных конфликтов масштаба внутреннего конфликта с серьезной дестабилизацией России в ближайшее время.

Оганесян А.Г.:

Действительно, весь развитый мир очень беспокоит, что мировая ресурсная база не может обеспечить прожиточный уровень, к которому привык средний класс Запада. В последнее время по среднему классу наносится уникальный удар, но остается еще ориентация на стабильность, на гарант социальной, политической стабильности. Действительно, вызывает беспокойство, что всем ресурсов не хватит. Все это математически просчитано – это факт. Здесь надо понимать, что это создает сильное давление на возможность военных конфликтов. К сожалению, это драматургия нашего времени.

Крамник И.А.:

Давайте вспомним период «холодной войны» между Советским Союзом и США. «Холодная война» при всех своих недостатках и на фоне довольно изматывающего ядерного противостояния давала важный побочный эффект – прогресс в освоении космического пространства. Есть подозрения, что он бы продолжился в условиях сохранившейся «холодной войны». По крайне мере, извлечение ресурсов из ближнего космоса и вопрос новых источников энергии стоял бы уже не так остро. Технический прогресс в этой сфере пошел бы куда дальше. Эта экспансия – человек должен замыкаться внутри себя – была бы направлена на некую общую объединяющую цель и приносящую ресурсы опять же для всех.

Оганесян А.Г.:

Существуют ли сейчас достаточно разработанные виды вооружений, которые на какую-то перспективу практически обнулят ядерные потенциалы крупнейших участников ядерного клуба. Или мы на ближайшую перспективу от этого освобождены?

Сивков К.В.:

Нет. Ни один вид вооружений, даже с появлением новых, не исчезнет. Как были танки, так и остались. Появится новая система оружий, безусловно, но они будут только дополнять ныне существующие.

Оганесян А.Г.:

У Анатолия Дмитриевича, я вижу, есть какие-то реплики, замечания, по докладу.

Цыганок Анатолий Дмитриевич - профессор, руководитель Центра военного прогнозирования Института политического и военного анализа:

Когда К.В.Сивков говорил о военных конфликтах, я думаю, что он опустил еще один аспект - что в ближайшие 3-5 лет возможен конфликт за воду. Россия неизбежно будет втянута в этот конфликт. Эта ситуация коснется Средней Азии. Второй конфликт вполне

возможен на Кавказе (Нагорный Карабах). Если Азербайджан сможет решить эту проблему, как там говорят, военным путем, а Армения пытается как-то этому противостоять, то ситуация в России сложится серьезная. У нас нет, кстати сказать, никаких конфликтов с Азербайджаном, мы с ним очень хорошо контактируем. У нас группа войск в Армении. Как Россия поведет себя в этой ситуации? Третий момент – вполне возможен конфликт на Ближнем Востоке. Иранское руководство – вменяемое руководство. Я не думаю, что Иран бросит предполагаемую бомбу на Пакистан, на Европу или на Америку. Это невозможно. Возможно, что Иран направит свои боевые действия по Саудовской Аравии. НАТО не выполняет своих функций. Она не справляется и в Ираке, и в Ливии. Для России, например, вывод такой – НАТО через несколько лет распадется, и Россия будет хорошо сотрудничать с Евросоюзом. Вот и следует разговаривать с имеющейся армией Европы.

Поволоцкий Г.И.:

Мы как-то пропустили – в принципе возможна-ли американская «разборка» с Ираном?

Сивков К.В.:

По поводу Ирана. С военно-политической точки зрения у них нет военно-стратегического плацдарма, с которого можно действовать. Поэтому разборка США с Ираном очень проблематична.

Оганесян А.Г.:

О позиции Еревана. Обратите внимание, в последнее время они пытаются решить вопрос с Нагорным Карабахом, налаживая мост со Стамбулом. Как им не хочется этого делать, но приходится. Это явно дипломатический ход.

У нас последний доклад, – какой должна быть Российская армия, какой она должна стать.

Александр Падерин - старший научный сотрудник НИИ военной истории Военной Академии Генерального Штаба ВС России:

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537, содержит раздел «Национальная оборона». В нем записаны, в частности, следующие важные положения, касающиеся военного строительства:

– Военная безопасность обеспечивается путем развития и совершенствования военной организации государства и оборонного потенциала, а также выделения на эти цели достаточного объема финансовых, материальных и иных ресурсов.

– Государственная политика Российской Федерации в области национальной обороны и военного строительства, в том числе в рамках Союзного государства, на долгосрочную перспективу нацелена на совершенствование Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, призванных при любых условиях развития военно-политической обстановки обеспечить безопасность, суверенитет и территориальную целостность государства.

– Российская Федерация реализует долгосрочную государственную политику в области национальной обороны путем разработки системы основополагающих концептуальных, программных документов, а также документов планирования, развития норм законодательного регулирования деятельности органов государственной власти, учреждений, предприятий и организаций реального сектора экономики, институтов гражданского общества в мирное и военное время, а также совершенствования сил и средств гражданской обороны, сетевой и транспортной инфраструктуры страны в интересах национальной обороны.

– Главной задачей укрепления национальной обороны в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных Сил Российской Федерации с сохранением потенциала стратегических ядерных сил за счет совершенствования организационно-штатной структуры и системы территориального базирования войск и сил, наращивания количества частей постоянной готовности, а также совершенствования оперативной и боевой подготовки, организации межвидового взаимодействия войск и сил.

Выступая с ежегодным Посланием Федеральному Собранию 30 ноября 2010 г., Президент РФ Д.А. Медведев сообщил о конкретных мерах государства, нацеленных на обеспечение национальной безопасности: «Сегодня перед нами стоит фундаментальная задача создания новой высокотехноло-

гичной мобильной армии. Мы идём на то, чтобы потратить на эти цели более 20 триллионов рублей. Это большие деньги. Но такие вложения вдвойне эффективны, если в итоге дадут нам технологии так называемого двойного назначения – помогут модернизировать производство и развивать фундаментальные и прикладные исследования и университетскую науку. Поэтому мы создаём специальную структуру, которая будет заниматься поиском и разработкой прорывных технологий для «оборонки». Такие структуры, вы знаете, есть в других странах. Рассчитываем, что многие из них найдут применение в повседневной жизни».

18 марта 2011 г. Президент России Д.А. Медведев принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства обороны России. На заседании были подведены итоги деятельности Вооружённых Сил в 2010 году и уточнены задачи на текущий год. «Развитие современной международной обстановки, – подчеркнул Президент, – и сохранение ряда угроз безопасности Российской Федерации, в том числе вокруг наших границ, требуют от нас всесторонней модернизации Вооружённых Сил. Мною более чем два года назад, в сентябре 2008 года, была поставлена задача по формированию нового облика Российской Армии. И за прошедший период мы продвинулись в решении этого вопроса. Вооружённые Силы обрели новую структуру, новую систему военного планирования, а также обновлённые системы подготовки и обеспечения войск. Нам предстоит ещё очень многое сделать с тем, чтобы структура, вооружения, боевые возможности армии и флота соответствовали современным требованиям. Задача здесь триединая: новые вооружения, новое качество управления войсками и новый статус офицера».

5 февраля 2010 г. вышла в свет новая военная доктрина России. В этот раз она выглядит более предметной, не перегружена общими словами. Просматривается твёрдость занимаемой позиции и в значительной степени предупредительная тональность.

Во-первых, чувствуется ясное понимание характера современных и возможных в перспективе конфликтов: обосновывается необходимость совершенствования системы противовоздушной и противокосмической обороны, отмечаются опасность недооценки информационной войны, ограниченная география конфликтов и их затяжной характер.

Во-вторых, присутствует также чёткое осознание того, что должно быть сделано в области российского военного строительства: оптимизация численности Вооруженных Сил, повышение качества их боевой готовности (мобильности) и военной подготовки, достойное социальное обеспечение и перевооружение армии, борьба с коррупцией в армии.

Обобщая вышесказанное, правомерно сделать вывод о том, что новая военная доктрина РФ свидетельствует о настойчивом стремлении России создать современную и хорошо подготовленную армию, отвечающую вызовам XXI века.

При этом важно адекватно учитывать динамично меняющийся характер современных локальных войн и вооруженных конфликтов. Уровень угроз и факторов неопределенности оказывает существенное влияние на развитие военно-политической и военно-стратегической обстановки в мире, на создание очагов напряженности и зон конфликтов, на характер войн и вооруженных конфликтов. Следует отметить, что войны и вооруженные конфликты будущего станут порождаться не одним каким-либо даже очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин, которые следует учитывать при раскрытии стратегического содержания вооруженной борьбы будущего.

Вместе с тем необходимо предусматривать особенности возможных военных действий. В частности, на Западном стратегическом направлении:

1. Объемный воздушно – космическо – морской и наземный характер операций и боевых действий. Основные задачи будут решаться до столкновения передовых частей путем дальнего огневого поражения.
2. Операции межвидовых группировок, как правило, будут развиваться стремительно и носить высокоманевренный характер.
3. Огневое поражение станет решающим оперативно-стратегическим фактором.

4. В период до 2030 г. резко вырастет количество боевых средств, способных наносить огневые удары, не входя в контакт со средствами поражения противника.

5. В ходе военных действий под ударами противника окажутся не только войска и военные объекты, но и экономика страны со всей ее инфраструктурой, гражданское население и практически вся территория.

Свои особенности потенциально будут присущи военным действиям на Дальневосточном стратегическом направлении:

1. Морские десантные операции и противодесантная оборона также будут носить воздушно – космическо – морской и наземный характер.

2. Важное влияние на устойчивость противодесантной обороны Дальнего Востока будет оказывать способность войск (сил) вести автономные боевые действия.

3. Недостаточный уровень развития транспортных коммуникаций, связывающих Дальний Восток с Европейской частью России, может негативно сказаться на ходе военных действий.

На основании анализа наиболее общих черт конфликтов конца XX – начала XXI века, можно сделать следующие принципиальные выводы относительно военно-политических особенностей вооруженной борьбы на современном этапе и в обозримой перспективе:

Вооруженные Силы подтверждают свою центральную роль в осуществлении силовых операций.

Решающим моментом для достижения военно-политического успеха является захват стратегической инициативы в ходе вооруженного конфликта.

Особенность вооруженной борьбы будущего может состоять в том, что в ходе войны под ударами противника окажутся не только военные объекты и войска, но одновременно и экономика страны со всей ее инфраструктурой, гражданское население и вся территория.

Критерии военной победы в вооруженных конфликтах будут различными, однако очевидно, что первостепенное значение имеет решение политических задач в вооруженном конфликте, тогда как военно-политическим и оперативно-тактическим задачам отводится преимущественно вспомогательная роль.

Несмотря на повышение роли развернутых к моменту угрожаемого периода группировок сил и средств, не менее значительную роль в исходе вооруженного конфликта будет играть наличие боеготового резерва и системы его отмобилизования и развертывания. Это даст возможность сохранять стратегический ресурс силового реагирования при любом развитии ситуации в ходе вооруженного конфликта.

Боевые действия будут характеризоваться сочетанием маневренных операций и позиционных действий. Разведывательно-диверсионные действия и партизанская война рассматриваются как часть «обычной» войны. Это подтверждает необходимость сбалансированного состава сил и средств вооруженных сил, а также комплексной боевой подготовки.

Решающее значение для обороняющихся будет иметь совершенная система разведки с единым центром управления и хорошо защищенными центрами (пунктами) сбора и обработки разведывательной информации всех видов вооруженных сил и спецслужб. Наличие у них возможности доведения обработанных разведывательных данных до всех заинтересованных инстанций в кратчайшие сроки, близкие к реальному масштабу времени. Наличие такой разведки даст возможность своевременно вскрыть подготовку противника к нападению и провести все неотложные мероприятия угрожаемого периода и, в первую очередь, перевод войск в наивысшие степени боевой готовности.

В группировке войск, кроме обычных элементов в оперативном построении (боевом порядке), должны присутствовать: разведывательно-информационный центр, действующий в рамках реального масштаба времени; автоматизированная, высокозащищенная система управления войсками и оружием; воздушно-космический эшелон (или часть его) высокоточного оружия; высокозащищенный резерв.

Характер применяемого в современных войнах вооружения диктует настоятельную необходимость наличия сил и средств для нанесения ударов по военным инструментам противника (дальнобойному высокоточному оружию, дальней авиации), находящимся за границами непосредственного района конфликта. Для этого

требуются как наличие собственного потенциала дальнобойного высокоточного оружия, так и иные средства, дающие возможность перенести боевые действия непосредственно на территорию противника.

Главное внимание должно уделяться созданию устойчивой дублированной системы управления войсками (силами) во всех звеньях управления. С этой целью следует использовать и существующие, и созданные новые системы связи, максимально задействовать воздушные командные пункты, а также обеспечивать безусловное доведение до исполнителей приказов высшего руководства страны и их выполнение.

Основным условием победы практически во всех конфликтах становится подрыв морального духа противоборствующих войск и стимулирование брожения в офицерском корпусе противника. Существенную роль в вооруженных конфликтах конца XX – начала XXI веков играет соотношение уровней морально-психологической устойчивости сторон, и в особенности – высшего командного состава. Это означает необходимость укрепления воинской дисциплины, законности, создания подлинно эффективной системы морально-психологической подготовки личного состава войск и сил от солдата до генерала, а также повышения эффективности деятельности органов военной контрразведки. Важное значение для исхода вооруженных конфликтов будет иметь наличие инструментов ведения информационной и пропагандистской работы среди войск и населения противника.

Выявленные особенности современных войн и вооруженных конфликтов поднимают проблему формулирования нового понимания основных задач Вооруженных Сил РФ. Эти задачи должны учитывать как уже проявившиеся особенности развития военно-политической обстановки в зонах интересов России и характер вооруженной борьбы, так и возможные направления развития принципов ведения боевых действий с учетом изменения геополитической обстановки и совершенствования средств ведения войны.

К основным приоритетам реформирования и укрепления Вооруженных Сил РФ в настоящее время и в обозримой перспективе можно отнести следующие:

1. Сохранение потенциала Стратегических Сил сдерживания.
2. Наращивание количества соединений и частей постоянной готовности и формирование на их основе группировок войск.
3. Совершенствование оперативной (боевой) подготовки войск (сил).
4. Совершенствование системы комплектования Вооруженных Сил.
5. Выполнение программы модернизации вооружения, военной и специальной техники, поддержание их постоянной боевой готовности.
6. Совершенствование системы военной науки и военного образования.
7. Совершенствование систем социального обеспечения военнослужащих, их воспитания и морально-психологической подготовки.

Можно согласиться с тем, что многое на этих приоритетных направлениях, как сказано выше, уже сделано. Однако, на наш взгляд, будет справедливо подчеркнуть и то, что впереди – несоизмеримо больший объем работы

Оганесян А.Г.:

Спасибо большое всем участникам Круглого стола за интересную дискуссию.

Редакция журнала "Международная жизнь"
Главный редактор **Армен Оганесян**

Руководитель электронного издания -
Валентина Злобина

Расшифровка -
Ольга Иванова
Елена Шашкина

Дизайн, макет, верстка-
Антон Пантюхин

Адрес в интернете: http://www.interaffairs.ru,
электронный адрес: journal@interaffairs.ru

Адрес: 105064, Москва,
Гороховский переулок, 14
Телефон: +7 (499) 265-37-81
Факс: +7 (499) 265-37-71